

Сергей Гришин

ПОД ТРЕМЯ СОЛНЦАМИ

ЧАСТЬ 1

ЯРЫШМА И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Сергей Гришин

**Под тремя солнцами. Часть 1.
Ярышма и прочие неприятности**

«Автор»

2024

Гришин С.

Под тремя солнцами. Часть 1. Ярышма и прочие неприятности /
С. Гришин — «Автор», 2024

Это мир, где по очереди светят три солнца. Где правят несколько разумных рас, включая существ с металлической оболочкой. Где лучшими скакунами являются огурцы, а тыкверы и арбозени могут поспорить силой со слонами, о которых здесь и не слышали. Здесь магия просто витает в воздухе, хотя пользоваться ею могут далеко не все. Трое героев получают от главы шерров разные задания, но на своём пути они встречаются неприятности, более серьёзные, чем, Ярышма, третье солнце, под лучами которого живые существа гибнут. Впрочем, к Ярышме здесь уже приспособились. А вот преодолеют ли герои прочие неприятности?

© Гришин С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Дикий Пень. Тридень месяца облаков.	6
Малая Копна. Четвердень месяца облаков.	11
Душистая Плесень и окрестности. Четвердень месяца облаков.	15
Верхние горы. Пятидень месяца облаков.	22
Дорога на Твердынь. Пятидень месяца облаков.	26
Дохлая Пухля. Пятидень месяца облаков.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Гришин
Под тремя солнцами. Часть 1.
Ярышма и прочие неприятности

Дикий Пень. Тридень месяца облаков.

Дверь захлопнулась, окончательно отделяя собравшихся в зале от мира, который через считанные минуты должен был превратиться в адское пекло. Ярышма уничтожала всё живое, не спрятавшееся вовремя, а потому каждый мало-мальски разумный житель планеты спешил к восходу третьего солнца оказаться в надёжном убежище.

– Наконец-то, генерал, – шерр Сламбо поднялся со своего места за длинным дубовым столом и сделал несколько шагов к последнему участнику собрания.

Генерал Твисти подтянул ремень, постоянно сползавший под давлением распирающей мощи, сконцентрировавшейся в центре живота, провёл пальцем по закрученному усу цвета ночи в алмазной шахте и оглядел присутствующих. Всё те же голубые рожи. Впрочем, кроме благородно голубокожих шерров здесь ещё и один полумеханоид затесался. Матт Кремлин, аж из самого Техникуса припожаловал. У него кожа только на руках, да и та не своя. Качественные, надо заметить, перчатки. Неплохо было бы поинтересоваться, где железяка их заказывает.

– Проходи, шерр Твисти, – Сламбо рукой указал гостю на свободный стул с богатой шведской отделкой – красная кожа, золотая обтяжка.

– Что задержало славного шерра? – недовольно спросил Клопси Штребень, представитель северной области. – Мы не вправе рисковать своими жизнями, когда судьба Федерации на кону.

– Я, шерр, военный, и привык к риску, – сухо ответил генерал, уstraиваясь на стуле с деликатностью, не соответствующей его фигуре. Деликатность эта, впрочем, объяснялась количеством мебели, случайно уничтоженной оной фигурой.

– Одно дело, генерал, когда рискуют всякие там ляги и хрюзели, – не согласился Клопси. – И проявляют чудеса героизма на благо и во имя. А шерру глупо погибать под лучами Ярышмы.

Генерал фыркнул. Представителей севера из области с говорящим названием Пнище он считал деревенщинами.

– Не ссорьтесь, славные шерры, – широко улыбнулся Сламбо Потребень, занимая место рядом с председателем, лениво поглядывающим на собравшихся из глубин кресла, стоявшего во главе стола. – Главное, что нам удалось собраться, и теперь можно приступить к обсуждению насущных проблем.

Убедившись, что после слов Сламбо наступила тишина, председатель Гуль Кинкхе, отличавшийся от остальных морщинистой изюмоподобной кожей тёмного, почти фиолетового оттенка и блеклыми миндалевидными глазами, произнёс своим тихим голосом, который, однако, пробирал до костей:

– Причина сегодняшней встречи очень серьёзна. Халиф Просту Бей передал секретное сообщение, что некто Стеран Пазин готовит серьёзный бунт в области Гроль. Однако губернатор Кропи Слепень таких сведений не имеет, и каждый раз докладывает, что на его территории всё спокойно, – Гуль помедлил и, сделав глоток из стакана, добавил: – У нас нет причин не доверять Слепеню, но и оставить сообщение халифа без внимания мы не можем.

Председатель посмотрел на Сламбо, и тот продолжил за него:

– Гроль – важная область. Алмазные шахты. Добыча спениума. И ещё, это грядки боевых тикверов, внедрение которых в состав вооружённых сил Федерации уже дало свои плоды в битве при Сухом Плевке. Но, как вы знаете, есть ряд неприятных моментов, – Потребень хлопнул в ладоши, и на стену при входе опустилась огромная карта. – Первый, это то, что большую часть Гроля занимает пустыня Нагара. А это – хрюзели. Пусть они разобщены и туповаты, но зато их много, и они мобильны, хоть и не быстры. И никто не может с точностью сказать,

что взбредёт в голову тому или иному племени. Или у нашего министра иностранных дел есть какое-то мысли по этому поводу? Что скажешь, почтенный шерр Шелль?

Верми Шелль, маленький пожилой шерр, поджал губы.

– Мои ребятки установили контакт лишь с племенем Ш'харр Д'одр, – произнёс он высоким голосом, на названии племени перейдя то ли на хрип, то ли на рычание. У неподготовленных шерров разговор на родном языке хрюмзелей вызывал рвотный рефлекс, и во многом из-за данного факта очень мало кто понимал этот пустынный народ. – У секача Х'марры появились к нам дружеские чувства после того, как ему доставили сундук Руальского урожая года Хромого Огурца.

При упоминании вина, являвшегося одним из символов Федерации, да ещё такого удачного года, члены собрания заелозили, а шерр Кнедль из Залипшей Пустоши зачмокал губами. Сбор Руальского винограда всегда был почётным, но небезопасным делом, с которым справлялись только потомственные ляги-виноделы из Золотого Руая.

– Это хорошие новости, – кивнул председатель Гуль и взглядом показал Сламбо, чтобы тот продолжал.

– Как бы то ни было, – шерр Потребень поднялся со своего места и подошёл к карте, – бунт в Гроле недопустим. Если поднимутся племена хрюмзелей, то с ними ещё могут справиться гарнизоны Пекка, – Сламбо указал на крупную точку на границе с пустыней Нагара. – А вот если восстание вспыхнет в аграрных районах, то придётся перекидывать войска чуть ли не с Сесили, – палец уткнулся в точку западнее, за голубой волнистой линией реки Конторка. – Поэтому, пока есть время, проблему нужно решить точно. Нам необходимо выследить Стерана Пазина и, если сведения о его причастности подтвердятся, уничтожить.

– Судя по имени, Стеран из лысых обезьян? – подал голос глава почтовой службы шерр Дин Версень. При этой новости генерал Твисти хрюкнул. По его глубокому убеждению, возглавить хрюмзелей мог только хрюмзель. Однако почтмейстер получил от Сламбо утвердительный ответ и предложил: – Можно узнать у посла Далиды, что у них есть по нему. Наверняка обезьяны собрали на подобную личность не один том.

– Во-первых, – подал свой вечно недовольный скрипучий механический голос Матт Кремлин, – обезьяны не обязаны предоставлять вам сведения. Во-вторых, Стеран Пазин может быть их агентом. И тогда вместо информации ты получишь дезинформацию. Ха-ха, – добавил полумеханоид, сочтя последнюю свою фразу хорошей шуткой.

– Смею тебя заверить, душевный Матт, – натянуто улыбнулся Дин Версень, – мне Далида не солжёт.

*

В отличие от шерров, уважительным обращением к полумеханоидам было именно «душевный». Сами эти создания некогда были представителями странного и, откровенно говоря, совершенно бесполезного народа Эльпако, обитающего в глубоких пещерах. Существа эти не имели ни речи, ни письменности, а интересы его не пересекались с интересами цивилизованных государств.

Впрочем, польза нашлась и от них, хоть и не сразу. Эльпаки, столкнувшись с шеррами, спустившимися в пещеры в поисках алмазов и всего остального, чем только можно поживиться, стали вслед за ними выбираться наружу. Их хрупкие тела часто не выдерживали соприкосновения с суровым реальным миром. А после гибели рассыпались в пыль. Оставался лишь небольшой полупрозрачный камешек, названный Зерном Душ. Изначально название это прилипло из-за вечного шевеления внутри – какое-то белёсое марево то кружилось в толще камешка, то рассыпалось на крупинки, а потом снова собиралось в единое облако.

Шерранские учёные и маги заинтересовались странными камнями. И в год Потухшей Ярышмы, которая на самом деле не потухла, но отчего-то на более долгое, чем обычно, время стала не такой смертоносной, шерр Ньюти Шлобень, магистр Заболоньского университета,

представил первого полумеханоида. К удивлению научного сообщества, прототип, в отличие от привычных механоидов, обладал собственной волей. С речью было не так однозначно. В отличие от предшественников, он с трудом формулировал предложения, путаясь даже на этапе образования слов.

В любом случае, это было нечто новое, и после положенных дифирамбов и наград шерр Шлобень поведал коллегам, что движет его созданием вовсе не механизм. Нет, механизм, разумеется, принимал в этом активное участие, но он не был запрограммирован ни простейшими устройствами, ни магами-записниками. И двигаться он мог сам, только гораздо быстрее он это делал с помощью пара или алхимических таблеток. Импульс, или, если хотите, волю к жизни и активности полумеханоид получал от маленького камешка, Зерна Душ.

После этого множество учёных принялись за изучение новой перспективной тематики. Множество Зёрен было загублено в экспериментах, большое количество первых полумеханоидов оказались нежизнеспособны либо безумны, прежде чем появился новый народ, лояльный к властям Федерации, но свободолюбивый и со своими странностями. К тому же, неконтролируемая добыча Зёрен Душ привела почти к полному истреблению самого народа Эльпако. Лишь недавно, в Тригод Просвещения, правительство строго ограничило выпуск новых полумеханоидов, а поиск нетронутых мест обитания Эльпако поручило специально созданному факультету Заболоньского университета.

Переродившийся народ, ранее индифферентный к ценностям мира, вдруг обрёл интересы. Получив новые крепкие тела, бывшие эльпако стали неплохими механиками, хорошими строителями и отчаянными наёмниками, которых, впрочем, среди них было всё же меньшинство.

Собственно, из-за Зерна внутри и возникло обращение «душевный» к уважаемым членам сообщества полумеханоидов. Нашлись, правда, среди них и изгои, не гнушающиеся идти на преступления и подлости. Но эти в единственном городе, выстроенном своим народом, не появлялись, ограничиваясь техобслуживанием в мастерских на окраинах Федерации.

*

Пока мы тут углублялись в историю, Матт Кремлин и Дин Версень устроили настоящую дуэль взглядов, которую прервал тихий, но приковывающий к себе внимание голос председателя Гуля:

– Не стоит беспокоить посла, шерр Версень. Мы пошлём агента непосредственно к главе Совета Объединённых Королевств. Я напишу Доберу Манну лично. И в обмен на то, что я дам ему, он сдаст нам Стерана с потрохами. Даже если кто-то из обезьян в нём заинтересован.

Собравшиеся начали переглядываться. Кто-то ухмылялся, кто-то недоумевал, а кое-кто ошутимо напрягся. Всем было интересно, что хочет сообщить председатель Королю королей? А вот сомнений, что Гуль добьётся своего, не возникло ни у кого.

– Но зачем направлять агента? – удивился Дин Версень. – Мы ведь почтовая служба. Отправлю почтальона, да и всё.

– Слишком важная информация, – покачал головой председатель. – Пожалейте своих подчинённых.

– В любом случае, – снова вступил Сламбо Потребень, – необходимо направить кого-то и в Гроль. Информация от обезьян дойдёт в лучшем случае через десять тридней. Чтобы не терять время, нужно пока обнаружить Стерана и его приспешников. Идеальным было бы внедрить к заговорщикам своего агента. Но вряд ли это будет шерр – слишком подозрительно. А вот полумеханоид стал бы идеальной кандидатурой. – Сламбо повернулся к Кремлину: – Душевный Матт, есть ли у тебя кто-то для такой задачи?

Матт Кремлин задумчиво постучал себя по блестящему латунному лбу. Получилось мелодично.

– Пожалуй, да. Один чайник у меня есть. Со свистком. Ха-ха-ха.

– Почему чайник? – удивился Конкин Грень, бургомистр Дикого Пня, в котором и проходило собрание. Конечно, присутствие здесь бургомистра было неожиданным. Но на этом настоял сам председатель.

– Шерр имеет в виду, что для подобной миссии больше подошёл бы паровоз, но никак не чайник, – пояснил удивление коллеги Дин Версень. – У нас чайниками называют лиц неопытных, в деле себя проявить не успевших. А паровоз сочетает в себе мощь и целеустремлённость.

– Ха-ха-ха, – похоже, Кремлин счёл слова почтмейстера шуткой. – Паровозов мало. Они хоть и мощные, но передвигаются исключительно по рельсам. А если цель находится в глуши, паровозу туда никак не добраться. Зато чайник маленький и подвижный. А если закипит, никакая сила не удержит на нём крышку! – полумеханоид подпрыгнул на жалобно заскрипевшем стуле и выдал из правого ложноушка струю пара, сопровождавшуюся громким свистом.

Генерал расхохотался. А вот помалкивавший всё это время министр поддержки научных заведений и производств Хрусь Шестернь задумчиво поскрёб небритую щёку. Он и не представлял, что Кремлин использует дополнительный паровой источник питания. Такой уважаемый и богатый полумеханоид должен был, по его мнению, пользоваться алхимическими таблетками. Служат дольше, энергии выдают больше.

– Решено, – подал голос председатель. – Шли своего... кхе... чайника. Что же относительно моего письма Доберу Манну, – он задумчиво окинул собравшихся и остановил взгляд на скромно сидевшего между Шестернем и Шеллем тайном советнике Огго Гродне, – рекомендую рассмотреть кандидатуру одной эмансипированной особы, уже несколько раз доказавшую свою полезность Федерации.

– Шлёпси? – удивился шерр Гродень.

– Считаешь, твоя племянница в состоянии справиться с подобным поручением? – спросил Сламбо Потребень.

– Бабу с особо важным письмом? – возмутился генерал Твисти. – Это что же, может, ей ещё и роту солдат в сопровождение выделить?

– Во-первых, письмо будет не одно, – покачал головой Сламбо. – Во-вторых, шерри отправится тайно и без сопровождающих. В-третьих, дамочка – довольно опытный агент. Ну, а в-четвёртых, в качестве изюминки, дополню, что она владеет боевой магией. На довольно-таки среднем уровне, но всё же.

– И всё равно, она баба, – буркнул генерал.

– А чтобы наш славный военачальник не переживал, что ему не достанется славы, – улыбнулся шерр Сламбо и указал на ещё одну точку на карте, – ему поручается организация дополнительного гарнизона в местечке Дохлая Пухля и наведение переправы через речку Средний Выхлоп. Как вы видите, места там дикие, но наличие гарнизона и переправы может нам сэкономить как минимум три тридня при необходимости срочного выдвижения войск к Северному Гролю.

Шерр Твисти поморщился. Он считал себя староватым для подобных экспедиций, а дикие земли, как и всё Пнище, не любил никогда.

– У кого-то есть ещё соображения по данному вопросу? – Сламбо Потребень обвёл присутствующих внимательным взглядом.

Соображений не имелось. Председатель Гуль кивнул бургомистру.

– Проходите в главный зал, шерры, душевный Матт, – Конкин Грень взмахнул рукой, указывая на двери в глубине комнаты совещаний. – Там нас ждёт закуска. Также вам предоставят апартаменты, где вы сможете переждать Ярышму.

Следуя друг за дружкой, члены собрания неторопливо проследовали на выход. Лишь Огго Гродень на секундошку задержался в дверях и обернулся к оставшимся в комнате Гулю Кинкхе и Сламбо Потребню.

– Что-то хочешь сказать, славный шерр? – вскинул на него взгляд Сламбо.

Гродень молчал, не решаясь вымолвить ни слова.

– Не беспокойся о племяннице, – понял его сомнения председатель. – Она справится.

Шерр Огго кивнул и вышел.

– Думаешь, стоило так подставлять Шлёпси? – Гуль посмотрел на помощника, чуть наклонив голову. – Как ни крути, а опасность реальная.

– Мы убиваем двух кабачков одним выстрелом. Король королей оценит услугу. А Шлёпси... Шлёпси справится. Она лучший кандидат. Даже скептики из Шо-Доу это признали. И маги подтвердили, что она вполне может оказаться ключом.

– Может быть. Но вот в генерала я совсем не верю. Заплесневел старикан.

– Дротти за ним приглядит. Не беспокойся, шерр председатель. План идеален, – успокаивающе улыбнулся Сламбо. – Как все твои планы, достойный шерр, – он чуть поклонился председателю.

– Ну-ну, – улыбнулся тот. – Не надо лишней лести. Ты тоже приложил к нему свою голову. Так что вправе гордиться. Но и ответственность в случае провала тоже будь любезен разделить.

Малая Копна. Четвердень месяца облаков.

Жал Пышкович разрядил оба пистоля по мишеням, не прекращая движения. Несколько болтов вонзились в дощатое ограждение там, где он только что стоял. Пока верхние руки перезаряжали пистолы, нижние, короткие и трёхпалые, бросили в цели громовые шишки. Прежде чем бабахнуло, Жал присел и укрылся за перевёрнутой телегой. Земля сотряслась. Поднялось песчаное облако, сквозь которое трудно было что-либо разглядеть. Полумеханоид быстро высунулся из-за укрытия и разрядил оружие. Раздался рёв клаксона.

– Все цели поражены, – прогремел смотритель полигона Кол Брагин. – Семнадцать секунд.

Песок потихоньку прекратил своё бешеное кружение в воздухе и опал. Жал поднялся и вышел из-за телеги. Не успел он сделать и пяти шагов, как со стороны уничтоженных целей прилетел ещё один болт. Пышкович отмахнулся полый тяжёлого плаща, и снаряд отлетел к смотрителю. Тот зажал его своей клешней и загрохотал раскатистым смехом.

– Кто-то сказал, что все цели поражены, – Жал подошёл к Колу, неспешно заряжая пистоль.

– Мир полон неожиданностей, Чайник, – Брагин, громадина в полтора раза выше Пышковица, смял в железной ладони болт и отбросил в сторону. Его проволоочные усы-мочалки завибрировали в такт смеху. – Продолжай кипятиться! Сохраняй давление в системе, и ничто не сможет тебя убить. Кстати, почему ты не использовал запасные стволы? Так ты мог выиграть от двух до пяти секунд и установил бы новый рекорд.

Пышкович поставил пистолы на предохранители и убрал в поясную кобуру. Потом взглянул на смотрителя из-под широкополой шляпы.

– Потому что мир полон неожиданностей, Брага. Сам же сказал.

Кол захохотал ещё громче, и усы его окончательно запутались. Тогда смотритель достал из кармана железную щётку и принялся их расчёсывать.

– Слышал, шерры уже используют пятизарядные пистолы, – сообщил Жал. – Там барабан такой хитрый, сам крутится. Револьвер называется.

– А пули к нему какие? – заинтересовался смотритель. – Наши обычные подойдут?

– Вроде бы, другие. Но точно не знаю. Надо будет у Лавра спросить.

– Откуда у нашего снабженца такие новинки? – отмахнулся Брагин. – Это если только у крысюков заказывать. Они что угодно достанут.

– Чайник! В штаб! – проорал в рупор адъютант начальника лагеря Штоль Похин.

Жал и Кол переглянулись.

– Похоже, что-то затевается, – довольно проворчал Брагин.

– Поглядим, – Пышкович поправил шляпу, встряхнул плащ и потопал в штаб.

– Держи в курсе! – в спину ему потребовал смотритель полигона.

– Если не секретно – расскажу за склянкой минералки, – отмахнулся Жал.

– Да кому ты нужен с этими секретами?

*

Спустя два часа Жал Пышкович брёл по лагерю, опустив голову и изредка поглядывая из-под полей шляпы на собратьев-полумеханоидов. Пнул горошину, перебежавшую дорогу от одной казармы к другой. Толкнул механика-ляга, идущего куда-то с ящиком инструментов. При этом инструменты рассыпались по песку, а Чайник отбросил ногой подальше здоровенный разводной ключ.

– Что за проблемы, Жал? – возмутился Наг Потрескун, маленький шестиногий и восьмирукий полумеханоид, заведовавший складом запчастей. – Что ты себе позволяешь?

– Не твоих шестерёнок дело! – рявкнул Пышкович.

Потрескун помог лягу собрать инструменты, косясь на сбрендившего Чайника. А Жал Пышкович отправился в сторону таверны.

– Склянку скипидара! – велел он, взгромоздясь на барный стул перед стойкой. Потом подумал и заявил: – Хотя, нет. Давай ведро.

Крысюк Вассер скептически поглядел на клиента, но всё же выдал требуемое. Душевный Жал никогда не пил в долг, а потому был весьма уважаемым, хоть и редким, посетителем. Если у него есть желание потратить половину жалованья и вырубиться – надо уважить. Хотя с ведра скипидара полумеханоид может и шалить начать, но на этот счёт есть договор с комендантом лагеря о возмещении убытков, причинённых кадровыми рейдерами.

Вассер считал себя не только умным, но ещё и везучим. Когда он собирался открывать заведение в лагере рейдеров, его сородичи над ним смеялись. Говорили, что он вернётся сразу же, как только наглые и сильные полумеханоиды разломают его повозку и утащат весь товар. Но шёл уже шестой год, а дело только разрасталось.

Крысюк сорвал пломбу и оторвал крышку, защищавшую окружающих от запаха, а потом поднатужился и выволок ведро на стойку. Очки его при этом съехали на самый кончик длинного чуткого носа и чуть не шлёпнулись прямо в скипидар. Побystрее отстранился, потирая нос.

– Гулять изволим? – спросил Вассер, выставя рядом с ведром блестящую железную кружку.

Вместо ответа Жал натянул свою шляпу крысюку на голову, закрыв не только уши, но и глаза, а сам поднял ведро и влил его содержимое в распахнутую пасть. Его сапфировые глаза бешено заворачивались в глазницах, а из небольшой трубки, что торчала сзади на манер одинокой косички, вырвалась струйка чёрного дыма.

– Хорошо, – проскрипел Пышкович, захлопнув пасть. – Все шестерёнки прочистились. Теперь можно поспрашивать народ о смысле жизни.

С этими словами Жал содрал с пребывающего в дезориентации крысюка шляпу и водрузил на положенное ей место. После чего повернулся на стуле и обозрел помещение.

– Ой-ёй-ёй! – пробормотал Вассер, как-то вдруг осознав, что без дебоша не обойдётся.

Других рейдеров внутри таверны не оказалось. Да и вообще никого, кроме парочки хрюмзелей, приехавших продать скот, и одного ляга, задумчиво поглядывающего на небо сквозь стакан. Время было такое, что все жители лагеря ещё пребывали на местах службы.

– В чём смысл жизни, братцы? – обратился Пышкович к скотоводам, зависая над их столом.

Те в ответ прохрюкали что-то нечленораздельное.

– Отсутствует, – констатировал Жал и бесцеремонно плюхнулся прямо на стол. – Пасёте свой скот, свинячите там же, где живёте. Никогда вам не стать цивилизованными, как шерры.

Хрюмзели то ли что-то возразили, то ли просто хрюкнули в ответ.

– Что? – Пышкович приблизил лицо к пяточку одного из скотоводов, отчего оба хрюмзеля явственно напряглись. – Считаешь, что и шерры гадят? Ну, в этом ты, пожалуй, прав. Но шерры ничего просто так не делают. Даже если и нагадят, то получают с этого если не награду, то хотя бы удовольствие. Они и нас-то создали лишь для того, чтобы мы делали за них грязную работу. – Тут он резко приблизил свой палец к пяточку другого хрюмзеля и прошипел: – Только они просчитались!

– Душевный Жал, – донеслось от окна, рядом с которым сидел ляг. – Прошу прощения, душевный Жал, но, смею заметить, что нельзя так говорить о шеррах.

– Это ещё почему? – Пышкович слез со стола и устоялся на ляга.

– Они создали полумеханоидов, они построили Федерацию, они несут культуру и свет, – восхищённо затараторил тот.

Жал неторопливо подошёл к нему.

– У тебя в голове что? – спросил он без тени издёвки.

– Говорят, мозги, – пожал плечами ляг. – Но я сам не видел.

Полумеханоид присел на стул рядом и задушевно поведал:

– Нет, не мозги.

– А что? – заинтересовался ляг.

– Помои, которые вливают вам в уши шерры! – рявкнул Жал так, что его собеседник тут же юркнул под стол. Стакан, правда, он прихватил с собой.

Доставать оттуда ляга Пышкович не стал. Вместо этого он повернулся к хозяину таверны, опасно выглядывающему из-за стойки, и пожаловался:

– Ну что у тебя за унылое заведение? Даже нормально подраться не с кем!

В задумчивости полумеханоид сделал шаг в направлении стойки. Потом вдруг резко повернулся, схватил стол, под которым сидел ляг, и запустил им в окно, высадив раму целиком. Наклонился к испуганному посетителю и поинтересовался:

– Будем проверять, кто из нас прав? Я, знаешь ли, неплохо вскрываю черепные коробки, – он выдернул из-за пояса короткий изогнутый нож.

Ляг так быстро замотал головой, что она, казалось, вот-вот отвалится.

– Как хочешь, – не стал настаивать рейдер и тут же переключился на хрюмзелей, оживлённо хрюкающих за своим столом: – Чего такого смешного?

Он решительно шагнул к скотоводам, но тут в проломе окна появилась фигура полумеханоида.

– Что за беспорядки? – прогудел рейдер с красной повязкой на рукаве рыжего плаща. – Пышкович? Что за ржу ты тут творишь?

– Адъютант Штоль! – воскликнул Жал, оборачиваясь к коллеге. – Присоединяйся! Давай вместе разнесём эту убогую хибару!

Штоль Похин выдрал поломанные доски и втиснулся внутрь таверны. Был он крупнее Пышковича, но имел только одну пару рук.

– Скипидар? – спросил он у крысюка. Тот кивнул на пустое ведро. – Жал, с какого пере-клина ты наклюкался? На работы захотел?

– Да брось, адъютант, – отмахнулся Пышкович. – Мы же эта... элита. Мусорщики Федерации. Вот я и решил – а что мы всё убираем и убираем за шеррами? Дай-ка и я помусорю.

– Что за разговоры, Жал? Мы все давали клятву верности Федерации и шеррам. Подобное недопустимо. И убери уже нож, а то граждане нервничают.

– Как скажешь, – Пышкович взмахнул рукой. Нож прожужжал к потолку и срезал трос, крепивший люстру на двадцать свечей. К счастью, они не были зажжены по причине ясного дня. Но люстра оказалась достаточно тяжёлой, чтобы сломать стоявший под ней стол.

– На день работ ты уже натворил, – констатировал адъютант.

Жал издал противный звук и выдал из своей трубки-косички чёрное облако.

– Хорошо, на два, – согласился Похин. – Пойдём, пока не стало хуже.

– Никуда я с тобой не пойду, – заявил Жал, устраиваясь на столе скотоводов. – Ты прихвостень шерров. Почему все перед ними преклоняются, Штоль? Ну, ладно там ляги. Они простачки и недотёпы. К тому же сделаны из мяса. Но почему мы? Мы же сильные, умны и почти бессмертны! – Он задумался на секундочку и добавил: – Их стараниями.

Адъютант нахмурил тряпичные брови, цитриновые глаза неожиданно приобрели рубиновый оттенок. Он схватил рейдера за отвороты плаща и приподнял над столом.

– Не смей так говорить! – прогудел он. – Это нарушение присяги! Пять тридней работ!

– Меньше чем на десять я не согласен, – заявил Жал и боднул адъютанта головой прямо в один из глаз. Тот завращался в глазнице, дезориентируя полумеханоида.

От неожиданности Штоль отпустил дебошира, а потом ещё пропустил два удара в голову. Но затем обхватил руки наглеца, и они затанцевали по таверне, круша мебель и доламывая стену.

Хрюмзели шустренько спрятались к крысюку за стойку. Ляг продолжал дрожать на полу, лишь придвинувшись к стене, и пока ему везло.

На улице образовалась толпа из лягов и полумеханоидов, но никто не решался вмешиваться. А какой-то крысюк, не иначе, как родственник Вассера, стал принимать ставки на комбатантов.

– Что за шум? – к толпе зевак приближалась группа полумеханоидов, двое из которых были рейдерами довольно высоких чинов, а в крупном представителе этого народа с высоким цилиндром на голове мы могли бы узнать Матта Кремлина, присутствовавшего на собрании в Диком Пне.

И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент Жал изловчился и, опрокинувшись на спину, перекинул через себя оппонента. Адьютант, успев в полёте произнести несколько довольно специфических ругательств, врезался в подошедшее начальство, погребя под собственной тушей полковника Шедля и самого Кремлина.

Пышкович поднялся, готовый продолжать схватку, но, увидев копошащихся в пыли полумеханоидов, брякнулся в проломе стены и громко захохотал, указывая на них пальцем.

Спутники Кремлина справились, наконец, с освобождением подопечного и помогли ему подняться. Даже цилиндр вернули на почтенную голову. Душевный Матт посмотрел сначала на согнувшегося в раскаянье адъютанта, потом перевёл взгляд на хохочущего рейдера и указал на него тростью из красного дерева, которую носил для солидности.

– В шахты его! – заорал полковник Шедль, продублировав жест Кремлина пальцем.

Сразу шесть рейдеров шагнули к Жалу Пышковичу, закрыв его своими массивными железными телами от взглядов зевак.

*

Незадолго до восхода Ярышмы в кутузку ввалился Кол Брагин. Не обращая внимания на дежурного, прошёл по коридору к камере, в которой лежал, закинув ноги на стену, Пышкович. Плащ и шляпу ему оставили. А вот оружие всё, разумеется, отобрали.

– Что случилось, Жал? – взволнованно спросил смотритель полигона, прислонясь к прутьям решётки. – Ты словно взбесился после похода в штаб!

Пышкович только надвинул на глаза шляпу.

– Чего они тебе там наговорили? Я ходил, спрашивал. Все молчат. Ну хоть ты-то Расскажи мне, что там у вас произошло?

Жал лягнул пятками о стену и положил правую ногу на левую.

– Так и будешь молчать? Не будь сволочью, я же твой друг!

Друг молчал.

Душистая Плесень и окрестности. Четвердень месяца облаков.

Муха упорно билась об стекло. Огго Гродень, сидевший в собственном кресле, в собственном кабинете, в собственном особняке, чувствовал себя чужим, но выйти через стекло пока не пытался.

Сламбо Потребень, Главный Советник председателя Гуля, хоть и не гнал хозяина дома из личного кабинета и любимого кресла, но с его появлением все, включая слуг, выполняли каждое его поручение спустя секунды. В то время как шерр Огго никак не мог дожидаться кружки чая.

Наконец в кабинет вошёл Тюбель с чайником и парой тонкого Шкельского фарфора на подносе. Ещё расставляя всё на столе перед хозяином, ляг вдруг повернул голову к окну и стрельнул языком.

– Приятного чаепития, шерр, – пожелал он, проглотив муху.

Огго поморщился. Ох уж эти незамутнённые ляги!

С улицы донёсся стук копыт. Отхлёбывая из чашки, шерр Гродень подошёл к окну. В ворота входил длинный огурчик, а на нём восседала такая хрупкая фигурка.

Огго вздохнул. И зачем председатель настаивал на кандидатуре племянницы? Она ведь совсем ещё девочка! К чему втягивать её в опасные игры?

Достаточно было прошлого раза, когда Шлёпси, ещё только-только покинувшая стены высшей школы шерри, отправилась в область Шо-Доу. И случилось это как раз в период выборов магистра-чародея, когда страсти между кланами магов кипят такие, что их численность сокращается иной раз до половины.

Шерры и сами владеют магией. Но больше предпочитают использовать добрую сталь и прочие научные достижения. А вот Шо, хоть и являются наиболее близкой по физиологии расой, но возвели волшебство в ранг религии.

Шлёпси ничего не рассказывала о своей миссии в Шо-Доу, но Огго подозревал, что она сыграла определённую роль в том, что нынешний глава магов – именно Го Ген, лояльный правительству Федерации. А ещё что-то поменялось в племяннице после поездки. Только что именно, шерр Гродень не смог понять, сколько ни ломал себе голову.

По лестнице процокали лёгкие шаги. А потом Огго услышал голос шерра Сламбо:

– Юная шерри, рад приветствовать. Прошу в бильярдную. Тюбель, позови шерра Огго.

Не дожидаясь, когда ляг дошлёпает до двери, Огго вышел из кабинета. Потребень и Шлёпси уже заходили в бильярдную. Так что хозяин поместья всучил чашку слуге, а сам поспешил за ними.

– ...получила интересный мистический опыт, – услышал Огго голос Сламбо, подходя поближе. – Но рассчитывать на магию в серьёзном предприятии не приходится, поверь моему опыту. Слишком капризная штука. Оставь её на крайний случай, как козырь в рукаве. – Советник обернулся на звук шагов и пригласил хозяина: – Заходи, шерр Огго, не стесняйся.

– Доброй Даушмы, дядюшка, – Шлёпси помахала родственнику изящной ручкой.

– Добрейшей, – мрачно ответил он. – Будь внимательна и осторожна.

– Не спеши, шерр, – улыбнулся Сламбо. – Я ещё не раскрыл твоей племяннице сути поручения. Впрочем, не будем тянуть. Дротти, – откуда ни возмись в бильярдной появилась высокая шерри со странной причёской в виде двух золотых шаров, заколотых блестящими булавками. Для обычно темноволосых шерров подобный цвет волос был таким же редким, как и наличие крыльев у огурчиков. Девушка протянула Потребню небольшой планшет из змеиной

кожи. – Здесь несколько писем, которые ты, Шлёпси, должна как можно быстрее передать лично Доберу Манну. Письма секретные. Никто не должен о них знать, а уж тем более прочесть.

Шерри Гродень слегка поклонилась, забрала планшет и повесила на ремень через плечо.

– Я должна добраться до самой Эйри Джи? – спросила Шлёпси, слегка нахмурившись. – Добер Манн примет меня во дворце?

– Нет, – покачал головой Сламбо. – В столице Объединённых Королевств тебе делать нечего. Шерри там не жалуют. Вы встретитесь в Тойра Джи. Это в нескольких часах езды от границы. Председатель Гуль передаст Королю королей короткое послание по магической связи.

– Но ведь Тойра Джи, если я не ошибаюсь, довольно мерзкий городок, – воскликнул Огго. – Приют контрабандистов и жуликов! Там даже рынок рабов есть! Согласится ли туда поехать сам Король королей?

– Будь уверен, поедет, – ухмыльнулся Сламбо. – Конечно, он отправится туда инкогнито, но зато сможет передвигаться с большим количеством охраны – в Тойра вооружённые отряды не редкость, а норма. Ещё какие-то вопросы, Шлёпси?

– Маршрут проложить самостоятельно, или будут чёткие указания?

– Никаких указаний. Прояви гибкость.

Шерри медленно кивнула. С одной стороны, приятно, когда начальство доверяет. Но обычно задание давали более конкретно, а не просто «доберись из пункта А в пункт Б».

– Я верю в тебя, – подбадривающе улыбнулся Советник. – Кстати, спешу порадовать. Вчера был подписан указ о присвоении тебе нового чина, переводящего в более высокий ранг. Так что отныне в официальных делах тебя будут называть «её превосходительство младший атташе Гродень». Так что вы с дядей теперь оба превосходительства.

– Спасибо, это очень неожиданно, – поблагодарила Шлёпси воодушевлённо.

– Теперь поторопись. Дело срочное, а тебе ведь ещё собираться в дорогу. – Сламбо перевёл взгляд на Огго: – Прощайтесь. Не буду мешать.

Советник вышел. Огго обнял племянницу.

– Будь внимательна и осторожна, – проговорил он.

– Не волнуйся, – ответила Шлёпси. – Ты же знаешь, у меня лучшие в округе огурчики. Домчат мигом хоть до Тойра Джи, хоть до Зубастых гор.

– Нет уж. До Зубастых не надо, – Огго передёрнул плечами. О горах у него были не самые приятные воспоминания со времён военной службы. – Может, лучше воспользуешься железной дорогой? Паровозы надёжнее, а билеты я тебе оплачу.

– Нет, дядя. Это ж крюк через полстраны. И выезжать придётся отсюда, не заезжая домой. К тому же, рельсы заканчиваются задолго до границы с Королевствами. Там так и так придётся нанимать огурчиков или, упаси нас Даушма, тыкверов. Я предпочитаю своих.

*

Шлёпси Гродень мячиком скатилась по лестнице. Её превосходительство! В столь юном возрасте! Интересно, с чем связана такая честь? Прошлые задания, конечно, были важными, но, по большому счёту, не трудными благодаря искусному планированию начальства. От неё самой требовалось лишь чётко следовать инструкциям и не терять присутствия духа.

Неужели это аванс за грядущее поручение? На первый взгляд, ничего особенного. Отвезти письма. Передать указанной персоне. Для этого и в самом деле не требовалось каких-либо чётких указаний. Но что-то тревожило шерри.

Запрыгнув на спину верного Троля, она пустила его рысью. Городок только-только оживал. Дворники заканчивали подметать улицы, лавочники раскладывали свой товар, а мальчишки уже всюю предлагали редким прохожим свежие газеты.

Шлёпси сбавила ход перед бакалейной лавкой, решив прикупить в дорогу вяленых гусениц. Мальчишка, уговаривавший какого-то небрежно одетого ляга купить газету, с надеждой поглядел на шерри, потом глаза его расширились, а на лице заиграла улыбка.

– Поздравляю, превосходительство! – проговорил он, подскочив к спешившейся всаднице, и сорвал с головы драный картуз, явно ожидая, что обрадованная госпожа тут же бросит туда какую-нибудь монетку. – С назначением!

Шлёпси с удивлением уставилась на него.

– С чего ты решил?

– Ну, как, – мальчик вытащил из пачки газету и развернул её. – Вот же. На первой странице. «За заслуги перед Федерацией Шерри Шлёпси Гродень удостоивается ранга младшего атташе и права называться её превосходительством. Это огромная честь для нашего маленького городка», – он ткнул пальцем в портрет, в котором девушка узнала себя.

Шлёпси захлопала глазами. Вот тебе и тайная миссия! Теперь её будет узнавать каждый грамотный гражданин. Впрочем, и неграмотный тоже, поскольку портрет вышел очень похожим.

Оставалась надежда, что новость не уйдёт за пределы Душистой Плесени. Бросив пареньку монетку, она забрала газету и, прочитав текст, застонала. «Новость о назначении будет опубликована во всех крупных изданиях Федерации».

– Подстава, – сквозь зубы пробормотала она.

Запихала газету за пазуху, вскочила на огурчика и, забыв про гусениц, помчалась к родовому поместью семейства Гродень. Простое на вид задание нравилось ей всё меньше и меньше.

Мальчонка-газетчик вновь переключил своё внимание на ляга, но тот оттолкнул паренька и бросился к углу дома. Через считанные секунды оттуда выскочили два всадника в чёрной одежде на иссиня-чёрных баклажанах, скакунах весьма редких в этих краях, и удалились в том же направлении, куда поскакало новоиспечённое превосходительство.

*

Выйдя из теплицы, Лопань полной грудью вдохнул свежий утренний воздух. Первое солнце, Даушма, полчасика как уже закатилось. А до восхода второго, Польшмы, оставалось ещё достаточно времени.

Лопань встряхнул головой, и зелёные волосы-жгутики рассыпались по плечам. На макушке зажужжало, и из-под не знавшей гребня причёски выбрался крупный бронзовый жук. Потёр задними лапками брюшко и взмыл в небо. Лопань послал ему вдогонку широченную улыбку во весь лягушачий рот.

Со стороны дома мелодично звякнуло. Раздались долгожданные лёгкие шаги, и из-за угла теплицы появилась госпожа Шлёпси Гродень в дорожной одежде и с небольшим саквояжем в маленькой синей ладошке. Улыбка Лопаня стала ещё шире, поставив просто нереальный рекорд по своей широте. Огуровод обожал свою госпожу, невзирая на то, что он был простым лягом, а она из аристократической семьи народа шерр.

– Доброго утра, ляг Лопань, – поприветствовала Шлёпси, взмахнув маленьким хлыстиком. – Как там наши огурчики? Чисты, сыты, готовы к дороге?

– Всё в порядке, госпожа, – Лопань чуть поклонился. – Стручок, правда, снова колючками стал покрываться. Ума не приложу, чего ему не хватает.

– Может, его на салат пустить? – Гродень приподняла бровь, но, увидев проявившийся на лице ляга ужас, рассмеялась: – Не бойся. Не тронем твоих подопечных. Седлай Сарделя и выводим сюда. Хочу выехать, пока Польшма не запольхала.

Лопань хихикнул, услышав замшелый каламбур из уст своей обожаемой хозяйки, и поспешил в теплицу. Огурчики даже не обернулись. Да и как им оборачиваться без шей? Если только всем телом. Есть риск потревожить соседей.

Ляг подобрался к Сарделю, почти наполовину зарывшемуся в личную грядку, и похлопал его по спине.

– Вставай, мальчик, – шепнул он. – Для тебя есть работа.

Услышав голос огуровода, Сардель встрепенулся, окатив Лопаня и соседних огурчиков комьями жирного чернозёма. Распрямил длинные ноги и выгнул спину, став больше похожим на сосиску, чем на сардельку.

– Красивый, красивый, – похвалил скакуна Лопань, ибо даже последний крысюк знает, что доброе слово и огурчику приятно.

Выведя Сарделя в центральный проход теплицы, ляг принялся неторопливо и тщательно седлать скакуна. Госпожа собралась ехать очень далеко, аж до границы со страной лысых обезьян. Сардель, конечно, с лёгкостью донесёт и дальше, до Зубастых гор. Он из огурчиков Лопаня самый выносливый. Главное, чтобы в дороге не приключилось никаких неожиданностей.

– Ляг! – позвала Шлёпси, не заходя в теплицу.

– Полминутки, госпожа! – отозвался огуровод, продолжив свою работу.

Он уложился в двадцать три секунды. Вывел огурчика под уздцы и встал рядом с наследницей дома Гродень.

– Что прикажешь, госпожа?

– Я вот что подумала, ляг, – Шлёпси задумчиво поглядела на огуровода. – Дорога мне предстоит долгая и трудная. Местами, возможно, даже опасная.

Лопань сочувственно покивал. Он, будучи потомственным огуроводом и обыкновенным лягом, ни разу не выбирался дальше соседнего с поместьем госпожи городка с поэтичным названием Душистая Плесень.

– Раньше я всегда путешествовала одна, – продолжила Шлёпси, поглаживая бок Сарделя. – И меня это полностью устраивало. Больше мобильность, ни от кого не зависишь. Но на этот раз мне просто необходим попутчик.

В самом деле, нынешнее поручение, несмотря на чёткие указания, отдавало гнильцой. И госпожа Гродень нуждалась пусть и в бестолковой, но подстраховке. В этих шпионских делах даже самая незначительная деталь, вроде вовремя оказавшегося в нужном месте огурчика, может спасти жизнь. Главное, чтобы этот ляг не проявлял излишнего любопытства.

– К чему ведёшь, госпожа? – Лопань удивлённо посмотрел на неё.

Шлёпси вздохнула. Экий непонятливый. Впрочем, это нормально.

– Собирайся, ляг, – она взмахнула хлыстиком. – Поедешь со мной.

Лопань даже рот открыл от изумления. Хорошо хоть язык смог удержать внутри, а то бы вышел неприятный казус.

– Но, как же? – Пролепетал он, обретя дар речи. – Я же никогда... а огурчики? На кого я оставлю моих... твоих огурчиков?

– Храполь уже взрослый. Позаботится.

Речь шла о младшем брате Лопаня. Вот только Храпи не торопился осваивать благородную профессию огуровода, предпочитая этому посиделки на кухне с весёлой и пышной кухаркиной дочкой Куколи.

– Он справится, – с нажимом произнесла Шлёпси, заметив скептический взгляд Лопаня. – Пусть только попробует не справиться.

Ляг развёл руками. Хозяйке виднее.

– Теперь живо собирайся. Лишнего не бери. Главное выехать пораньше. Огурчика седлай повыносливее. Кого думаешь взять? Тролю? Хотя, нет. Он сегодня уже довёз меня от Душистой Плесени. Или Мышатика?

Лопань в задумчивости провёл пальцем по нижней губе, а затем сунул оный палец в ухо. Эта его манера всегда забавляла Шлёпси, и госпожа улыбнулась. Ляг стыдливо вынул палец и, опустив взгляд, пробормотал:

– Стручка возьму.

– Но он же колючий! – удивилась Гродень.

– Ничего. В два слоя попонку постелю. Зато Стручок ничего не боится. Сдаётся мне, он просто засиделся на грядке, оттого и ершится.

– Даю тебе пять минут, – Шлёпси кивнула и принялась закреплять саквояж на боку Сарделя.

Лопань справился за три. Правда, от волнения недостаточно плотно притянул свой мешочек к седлу, и тот при каждом шаге хлопал Стручка по бугристой коже, не доставляя, впрочем, каких-либо неудобств, поскольку был почти пуст.

– М-да, и вправду зарос, – хмыкнула Шлёпси, окинув огурчика профессиональным взглядом. – Учти, едем без остановок вплоть до Ярышмы.

Третье солнце, Ярышма, не предполагало каких-либо поездок под его жёсткими лучами, потому надо было найти укрытие до его восхода.

Лопань широко улыбнулся и запрыгнул в седло. Госпожа Гродень кивнула и, вставив изящный сапожок в стремя, легко взлетела на спину своего скакуна.

Разгоняя кузнечиков и жуков, они пронеслись от теплицы к крыльцу хозяйского дома. Храполь и Куколь, сидевшие рядышком на скамейке, тут же вскочили и, задрвав головы, преданно уставились на госпожу Гродень.

– Ляг, мы с твоим братом уезжаем, – сообщила Шлёпси свысока. – Огурчики за тобой. Загубишь – шкуру спущу.

– Слушаюсь, – враз осипшим голосом отчеканил Храпи.

Госпожа Гродень пришпорила скакуна, и они с огуроводом вылетели прочь со двора.

*

Душистую Плесень они обогнули с севера. Стражники на заставе даже не потрудились выйти из караулки. Лишь сержант лениво посмотрел на быстро удаляющееся облачко пыли, зевнул и доел пирожок.

Дальше дорога шла через лес. Берёзы сменялись осинами, осины берёзами. Свет восходящей Польшмы легко проникал сквозь листву, вновь распутившуюся после прошлой Ярышмы, и ярко освещал путь. Это у хвойных иголки от воздействия третьего солнца только твердеют, превращаясь в некое подобие сосулек, и становятся мягче к концу ночи. А листья успевают меняться каждый день, радуя глаз своей полупрозрачной зеленью на протяжении первых солнц.

Впрочем, случались периоды, когда Ярышма не всё сжигала. Это время года называлось летом Благости, и длилось обычно два месяца, состоявших каждый из девяти дней. Тогда зелень разрасталась так, что многие дороги становились непроезжими. Но до лета оставалось ещё много тридней.

Изредка на дорогу выбегали дикие кабачки. Валялись в песке, даже повизгивали от удовольствия. И плевать хотели на путников. Огурчики перепрыгивали через них, не сбавляя скорости, и мчались дальше.

Вдруг дорогу преградило упавшее дерево, не слишком большое, но ужасно ветвистое.

– Не останавливайся! – крикнула Шлёпси, пришпорив Сарделя.

Вот только Лопань то ли не услышал её, то ли испугался, и Стручок как вкопанный встал перед преградой. Сардель же оттолкнулся своими длинными ногами и, пошибав ветки, перемахнул на другую сторону. Ляг присвистнул, проводив хозяйку восхищённым взглядом.

– Хорошо пошла. Видно, к вёдру, – донеслось слева, и из-за веток появились три фигуры. Лишь один оказался лягом. В остальных, несмотря на просторные одежды, угадывались хрюмзели, обитатели пустыни Нагара. Говорил, разумеется, ляг. Он приблизился к Лопаню, достал из-за пояса небольшой топорик и с кривой ухмылочкой велел: – Слезай, братка, приехали.

– Не могу, добрый ляг, – вздохнул огуровод. – Надо догонять госпожу. Не могли бы вы, ребята, отодвинуть с дороги это случайно упавшее дерево?

Ляг скрипуче рассмеялся. Его спутники захрюкали громко и неприлично.

– До слёз рассмешил, братка! Вот за это господа и любят нашего брата! – ляг сделал ещё шаг и угрожающе занёс топорик: – Слезай живо!

– А! – догадался Лопань. – Так вы разбойники, что ли? Так бы сразу и сказали!

С этими словами он легонько хлопнул огурчика по спине. Скакун резко развернулся, снеся всех троих разбойников. Колючки расцарапали одежду, и хрюзели завизжали от боли. Ляг тут же вскочил и предпринял новую попытку. На этот раз ему досталось копытом, и топорик с его обладателем разлетелись в разные стороны. Больше ляг не поднимался. Хрюзели же ещё какое-то время пытались приблизиться к всаднику, но Стручок вертелся, словно волчок, и не позволял им схватить огуровода.

В этой круговерти Лопань и не заметил, как разбойники исчезли. Просто вдруг он внезапно услышал вместо криков, визгов и ругани очень мирные звуки.

– Bravo! – негромко воскликнула Шлёпси, когда огуровод остановил скакуна.

Она прекратила хлопать в ладоши и одарила спутника улыбкой, от которой тот смутился и поменял цвет кожи на какой-то непотребно-сиреневый.

– Похоже, я не ошиблась, – госпожа ободряюще кивнула. – Развлёкся? Теперь ноги в руки и за мной!

Она тут же развернула Сарделя и перемахнула через поваленное дерево. Лопань вздохнул и последовал за ней, сохраняя на лице всё ту же глупую и счастливую улыбку.

Поравнявшись с госпожой Гродень, ляг не смог удержаться и спросил, перекивая ветер:

– Это ведь были разбойники? Они хотели нас ограбить и убить?

– Да, – просто ответила Шлёпси.

– Зачем ты вернулась, госпожа? Это было опасно!

– Но ты ведь справился. И мне может пригодиться такой ценный ляг.

Лопань от удовольствия даже немножко посинел, так что его цвет кожи стал похож на оттенок кожи Шлёпси. Сей факт ввёл его в смущение, добавив иных красок.

*

Полышма неспешно закатывалась за горизонт, а сзади уже показались отблески лучей третьего солнца. Пришло время подыскивать убежище. Вот только сейчас всадники мчались по степи, и ни одного строения видно не было.

– Судя по карте, за той рощей, – Шлёпси указала на группу деревьев на горизонте чуть слева, – есть постоянный двор. Там переждём.

Не знавшие усталости огурчики скорректировали курс, повинаясь наездникам. Они обошли небольшую рощицу слева, и перед ними предстало неказистое каменное строение с выцветшими буквами на вывеске.

– «Жрать, спать, Ярышму переждать», – с трудом прочитал Лопань.

У ворот он шустро прыгнул и помог госпоже спешиться. Та благодарно кивнула и велела ввести огурчиков в стойло, пока она сама будет говорить с хозяином.

Морщась, Лопань поставил скакунов на свободные места в просторном и тёмном сарае, где уже стояли два тыквера и один арбозень. Не теплица, конечно. Огурчикам здесь будет не слишком комфортно. Хотя несколько часов потерпят. Полосатый арбозень недовольно заворчал и даже попытался преградить дорогу новичкам, но огуровод шикнул на него так, что тяжеловоз прижался к стене.

Убедившись, что подопечные обустроены, Лопань пошёл к госпоже. И уже за двадцать шагов до входа в жилую часть услышал голоса.

– Не ерепенься, превосходительство! – громко и нагло кричал незнакомый голос. – Я же знаю, письма у тебя! Отдавай по-хорошему, иначе парни разденут тебя, как берёзку по Ярышме!

– Только попробуйте! – не так громко, но твёрдо ответила госпожа. Лопань просто подивился её выдержке. – Обещаю, тот, кто первый ко мне приблизится, останется без рук!

– А что ты будешь делать со вторым и третьим? – не сдавался голос. – Нас здесь, между прочим, девятёро!

Огуровод затаил дыхание. Девять разбойников против одной госпожи! Надо как-то помогать. Но как? Что может простой ляг, ни разу в своей жизни не дравшийся не то что с толпой, а даже один на один?

– Тот, кто послал вас, предупредил, кто я? – госпожа Гродень явно не собиралась отступать.

– Баба и есть баба, – пробасил здоровенный полумеханоид.

Шлёпси приподняла бровь. Полумеханоиды редко выходят за пределы городов, где для них есть все условия. Раньше ей доводилось пересекаться лишь с выходцами из Техникуса. А вот подобных наёмников она ещё не встречала.

– Разденем и проверим! – гоготнул обрюзгший ляг в поношенном мундире пехотинца, тот самый, который велел ей не ерепениться.

– Мы прекрасно знаем, что ты маг, – тихо произнёс шерр в приличном дорожном костюме. Этот держался за спинами остальных, и Гродень решила, что он тут главный. – Также мы знаем, что твоих сил не хватит, чтобы справиться со всеми. Поэтому...

Закончить у него не получилось. В помещение со свистом влетело что-то крупное и длинное. Шлёпси успела откатиться к стене. Наглому лягу не повезло – от удара он влетел прямоком в посудный шкаф. Теперь лишь подпрыгивающие ноги торчали из-под груды обломков и осколков. Остальные, кажется, пострадали не сильно. А шерр и вовсе успел отскочить в кухню.

В вертящемся среди помещения существе госпожа узнала Стручка. Огурчик не давал противникам передышки, сбивая их с ног и царапая колючками. Только и ему доставалось, поскольку злодеи были вооружены длинными ножами. А шерр так и вовсе уже прицелился в скакуна из мушкетона.

Шлёпси хлыстом нарисовала в воздухе магическую фигуру и отправила в стрелка. Мушкетон полыхнул, но вместо того, чтобы послать смертоносную пулю, развалился в руках шерра. Тот помянул всех огородников вселенной и исчез из виду.

А потом в дверной проём с треском и грохотом вкатились два тыквера. В помещении разом стало тесно. За крупными жёлтыми тушами Шлёпси с трудом различала, что происходит.

– Госпожа! – услышала она снаружи голос Лопаня. – Скорее! Уходим!

Она послушно выскочила за дверь. И тут же в проём врезался тяжеловоз арбозень, намертво запечатывая вход.

– Быстро уходим! – скомандовала Шлёпси, запрыгивая за спину огуровода, восседавшего на Сарделе. Противник ни в коем случае не должен был получить секретные письма!

– Но ведь почти Ярышма! – в ужасе промолвил ляг.

– Скорее! – воскликнула госпожа Гродень и ударила пятками в бока огурчика.

Тот тут же рванул прочь с постоянного двора, да так шустро, что Шлёпси пришлось обнять Лопаня, дабы не свалиться. Огуровод пофиолетовел, но поводья не отпустил.

Верхние горы. Пятидень месяца облаков.

– Вылезай! Приехали!

Тюремный экипаж, запряжённый парой огурчиков, остановился у барачных. Охранник ляг отомкнул замок, и Жал вылез наружу. Осмотрелся.

Лагерь шахтёров был со всех сторон окружён горами. Лишь узкая, в полторы повозки шириной, дорога соединяла его с внешним миром. По склону вился путь и того уже. Четыре пещеры зияли, словно пробоины в корпусе полумеханоида-неудачника.

С первого взгляда Пышкович выделил среди строений казармы охраны, жилища свободных старателей и бараки для тех, кто был здесь не по своей воле. Две вышки на выезде из долины, ещё три – на склоне. Охрана вооружена в основном мушкетонами. Но на въезде виднелась многоствольная картечница. А ляг, что принял нового узника-рабочего, сжимал в руке шоковую дубинку, снабжённую алхимической таблеткой. Значило ли это, что Жал здесь не единственный полумеханоид?

– Двигай! – прикрикнул охранник.

Жал медленно перевёл на него взгляд. Хмыкнул. Ляг в форме выглядел достаточно нелепо. Особенно забавно смотрелись огромного размера сапоги. Обычно ляги предпочитали ходить либо босиком, либо плетя для своих удлинённых ступней лапти. Здесь же, судя по всему, устав однозначно предписывал сапоги, так что охраннику приходилось мириться с громоздкой обувью.

– Стоп-стоп! – с облучка прыгнул возница Хаврон Мердовиц, маленький шестирукий полумеханоид, и подошёл к лягу. Удлинил пару передних телескопических ног, чтобы быть с ним лицом к лицу, и тихо проговорил: – Повежливее с Чайником, ляг Трюпель. Он не доставит хлопот. Так ведь, Жал?

Пышкович вместо ответа перевёл взгляд на небо. Потом на три вершины в северной части гор.

– Чавой-то, Хаврон? – взъерепенился ляг, но дубинку опустил. – Аль он не преступник? А коль преступник – чего с ним церемониться?

– Помрачение, – пояснил возница. – Загрустил Чайник. Иногда такое случается. Но он – ветеран рейдер. И если его разозлить, возможны серьёзные увечья. И ещё, если его приятели узнают, что тут к нему плохо относятся, могут и приехать.

– Ты, ента, Хаврон, не пугай! – прикрикнул охранник. – Может, его и на работы не отправлять? Может, ему настойки из грибов принести?

– Работать – обязательно. Может, мозги прояснятся. Настойку из грибов мы не пьём. А скипидар не давать ни в коем случае.

– Что здесь происходит? – к экипажу подошёл шерр в офицерском мундире.

Ляг вытянулся и отсалютовал.

– Вот, новенького привезли. Но Хаврон говорит, чтобы с ним поласковой.

– Ласковой не надо, – помотал головой возница. – Просто с уважением. Он ветеран.

– Разберёмся, – процедил офицер. – Исправляемый, следуй за провожатым в третий барак.

Ляг слегка поклонился офицеру и сделал пару шагов к жилью. Обернулся. Жал послушно топал следом. Охранник кивнул и пошёл уже увереннее.

– Проблем с ним не будет? – спросил офицер у возницы.

– Не должно, – ответил тот. – Если его не бесить.

– А что с ним стряслось? На моей памяти ветеранов сюда ещё не отправляли.

– Трудно сказать, – развёл руками полумеханоид. – Загрустил. Сорвался. Но при этом никого сильно не зашиб. Только большое начальство случайно уронил.

Шерр почесал лоб под фуражкой.

– И часто это с вами, полумеханоидами, случается?

– Редко. Но бывает.

*

– Вона лежанка свободная, – охранник указал на кровать у стены. – Обустраивайся, пока все на работах. Вкалывать начнёшь завтра, раз ты такой весь из себя ветеран.

Жал подошёл к указанному месту, скинул плащ, свернул и положил на подушку. Сверху пристроил шляпу. Повернулся к лягу. Тусклый свет внутренних алхимических светильников отразился от его блестящего обнажённого корпуса.

– Работать, – произнёс он с нажимом. – Работа перевоспитывает.

– Чего это? – не понял ляг.

– Работать, – полумеханоид указал на выход.

– Ты что, так рвёшься в шахты?

Пышкович кивнул.

– Вот чудик, – охранник приподнял фуражку дубинкой. – Ну, ладно. Если ты так жаждешь перевоспитаться, идём. Тебя, кажется, во вторую шахту хотели.

– Третья, – не согласился Жал.

Ляг крикнул.

– Зачем тебе третья? Там самый опасный участок. Обвал вот недавно был. А ещё надысь там четверо газом потравились.

– Мне газ не страшен. Третья.

Что-то бормоча себе под нос, охранник повёл новоприбывшего исправляемого, жаждущего перевоспитания, в караулку.

– Шерр лейтенант, – обратился он к офицеру, ставившему галочки в каком-то длинном списке. – Вот. Работать хочет.

– Так в чём же дело? Пусть работает.

– Он в третью хочет.

Лейтенант оторвал глаза от списка.

– А почему он голый?

– Одежда испортится во время работы, – пояснил Жал. – Она мне дорога, как память.

– А больше ничего не боишься? Например, что глыба на башку упадёт. Или что фильтры забьются. У тебя же есть фильтры?

– Я справлюсь, – последовал самоуверенный ответ.

Шерр покачал головой.

– У нас тут много разных супчиков, – проговорил он. – Некоторые сначала тоже были весьма гордыми. Но, поработав в шахтах, все теряют свой гонор.

– Отлично сказано, шерр лейтенант! – воскликнул ляг.

Офицер покосился на него, поморщился.

– Ладно, – отмахнулся он, снова возвращаясь к списку. – Хочешь в третью – иди в третью. Желаешь получить геморрой на свою железную задницу – мешать не буду.

Полумеханоид повернулся к лягу. Тот пожал плечами.

– Ну, пойдём, если тебе не терпится попасть на свалку, – хмыкнул он.

*

До нужной пещеры они шли минут десять. Ляг устал переставлять свои огромные сапоги с камня на камень. А вот Жал, похоже, выглядел довольным.

«Такое чувство, будто он рад, что сюда попал», – подумал охранник. – «Хотя по этим железякам никогда не поймёшь».

Ещё два ляга стояли при входе в пещеру. Они озадаченно глядели, как к ним приближается блестящий четырёхрукий полумеханоид.

– Кого это ты приволок, Трюпель? – гоготнул тот, что покрупнее. – Новую камнедробилку?

– Да вот, перевоспитаться хочет, – просипел спутник Жала, вытирая пот. – Пустите, говорит, в третью. Там я качественнее перевоспитаюсь.

Охранники устали на Пышковича. Тот улыбнулся им, продемонстрировав острые зубы.

– Бр-р-р, – передёрнул плечами крупный. – И зачем им такие зубы делают? Они ж пищу не пережёвывают. Только заливают.

– Зато он легко перегрызёт тебе глотку, – хохотнул другой охранник. – Да и ногу, пожалуй, запросто отгрызть сможет. Слышь, Штепсель? На что спорим, что он тебе ногу отгрызёт?

Жал радостно клацнул челюстью.

– Короче, забирайте, – со вздохом проговорил Трюпель. – Обещал не буяннить, но на всякий случай держите ухо востро. Сами понимаете, не зря ж его сюда отправили.

– Ничего, опыт есть, – крупный вытащил из-за пояса шоковую дубинку и взмахнул ею в воздухе.

– Не махай перед ним этой штукой, Штепсель, – посоветовал Трюпель. – Говорят, он ветеран. Может вырвать и засунуть её тебе в ухо.

– Да? – крупный посмотрел на дубинку, прикидывая, пролезет ли она в ухо. Потом обратился к напарнику: – Слышь, Стопаль, может, ему и кирку не давать – своими граблями управится?

– Четыре, – подал голос Жал.

– Чего четыре?

– Четыре кирки, – Пышкович выставил перед собой все четыре своих верхних конечности.

– Ударник, что ли? – хмыкнул Трюпель.

– Подгорного труда, – поддакнул Стопаль.

– Ну, пойдём, – сказал Штепсель. – Думаю, четыре штуки наскребём. Не с новья, но тебе же по барабану. Будет даже любопытно посмотреть.

– Только к другим шахтёрам не подходи, – посоветовал Стопаль.

– Почему? – удивился Жал. – Плохому научат?

– Боюсь, зашибёшь ненароком, когда махать сразу четырьмя кирками начнёшь.

*

Грязные, измождённые ляги и хрюзели долбили породу при тусклом свете алхимических светильников. Несколько исправляемых таскали камни в дробилку. Та подавала перемолотое содержимое наружу, где четверо лягов и один крысюк под присмотром охранника тщательно выискивали среди пустой породы драгоценные камни.

Шум накрыл их сразу же, как только ляг Штепсель и полумеханоид Пышкович вступили под мрачные каменные своды.

Жалу выдали четыре ржавые, но довольно крепкие на вид кирки. А потом Штепсель повёл его мимо работающих исправляемых в дальний и пустой штрек. Лишь в его начале копшился крысюк, то ли собирая остатки породы с пола, то ли что-то искал. Здесь было почти тихо – звуки из активно разрабатываемых коридоров сюда не долетали. А ещё весьма душно.

– Начнёшь здесь, – сказал Штепсель. – Выдрень, – он указал на крысюка, – поможет, если что. Порода здесь пустая, поэтому штрек и заброшен. Как раз для такого ударника, чтобы размяться, – охранник хохотнул и прислонился к стене.

Жал поудобнее перехватил кирки. Ударил правой верхней рукой, затем левой нижней.левой верхней, правой нижней. Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее. Вскоре его конечности замелькали, словно лопасти пропеллера новейшего летательного аппарата, про

который в прошлом месяце писали в газете. Мелкие камни непрерывно летели во все стороны, так что Штепсель и Выдрень предпочли спрятаться за поворотом.

– Вот ведь чумичка, – пробормотал охранник.

– Как бы обвал не натворил, – пискнул крысюк.

Вдруг что-то изменилось в звуке работы, а через пару секунд из штрека вылетел наконец кирки и жалобно звякнул об пол. Движения ударника подгорного труда рассинхронизировались. Ещё несколько ударов, и полумеханоид, выругавшись, откинул вторую сломанную кирку.

– Это мы так на него не напасёмся! – буркнул Штепсель. – Выдрень, стоняй за кирками. А эти отдай в мастерскую, пусть починят.

Крысюк очень воодушевился поручением и тут же умчался прочь. Ляг хотел предложить Пышковичу отдохнуть, но тот снова взялся за работу, причём свободными руками он тоже умудрялся себе помогать, отколупывая треснувшие камни. Штепсель не стал даже пытаться перекрыть удары. Он недолго полюбовался на ударника, потом покрутил пальцем у виска и пошлёпал на выход.

Жал долбил без перерыва ещё минут двадцать, а потом сломал ещё одну кирку. Крысюк так и не вернулся, а потому Пышкович, тоскливо стукнув по стене одиноким орудием, отправился искать нерадивого напарника. Впрочем, его бы устроила и просто какая-нибудь бесхозная кирка.

Пробравшись через завалы, которые он сам же и устроил, полумеханоид вышел в главный коридор и пошёл на звуки ломающегося камня. Незнакомый одинокий охранник, стоявший на пересечении штреков, посмотрел на него ленивым взглядом и сквозь губу проронил:

– Чего шатаешься? А ну работать!

Потому вместо того чтобы идти к выходу, Жал направился в самую гущу работающих. Углубившись шагов на сто, уворачиваясь от летящих камней и стараясь случайно не уронить тех, кто тащил породу, он увидел прислонившегося к стене маленького обезьяна в истрёпанной одежде. Тот тяжело дышал и весь был покрыт потом и грязью. Тощий, почти крысиный, хвост судорожно стучал по камням. Лысого обезьяна полумеханоид видел впервые, а потому остановился и стал его рассматривать.

Хрюмзель, долбивший стену неподалёку, покосился на Жала и что-то зло прохрюкал. Пышкович проигнорировал наезд, склонился над обезьяном и участливо поинтересовался, как тот себя чувствует.

– Кажется, сдохну скоро, – просипел бедолага. – Уж всяко раньше, чем норму выполню.

Жал покачал головой. Потом поднял кирку обезьяна и принялся долбить стену в две руки, используя и своё одинокое орудие.

Хрюмзель заорал на полумеханоида, поскольку ему в спину прилетело множество мелких камней. Пышкович не реагировал и продолжал орудовать кирками.

Обезьян, на голову которого тоже сыпались камни, кое-как отполз подальше. Хрюмзель же не успокоился и позвал приятеля, работавшего неподалёку. Вдвоём они принялись орать на Жала.

Полумеханоид перехватил кирки нижними руками, а верхними не глядя столкнул неосторожно приблизившихся хрюмзелей головами. Потом так же не глядя поймал их орудия и продолжил работу уже в полную четверорукую силу.

Он остановился лишь когда прибежали охранники и, в три глотки перекрикивая звон и скрежет, пригрозили приложить к его железному заду шоковые дубинки.

Дорога на Твердынь. Пятидень месяца облаков.

Ярышма покинула небо, и теперь природа отдыхала. До восхода первого солнца было достаточно времени чтобы оправиться от ярости третьего, а потом приниматься за обычные дела.

Большинство разумных существ ночью спали. В это время суток царствовала тьма, которую лишь слегка разбавлял свет далёких звёзд.

Конечно, находились те, кто не хотел терять время на долгий сон. Древесину не жгли. Слишком много возни. Ведь сначала надо было избавиться от коры, затвердевшей от воздействия Ярышмы, а это отнимало очень много сил.

Кто-то запасался лучинами, наколотыми из не таких твёрдых молодых веток. Кто-то покупал уголь. Свечи были дороже, но использовались чаще всего. Таверны и постоялые дома закупали целые подводы свечей, и свечные заводики организовывали у каждой мало-мальски крупной пасеки.

Самыми же дорогими, но зато и самыми яркими, были алхимические лампы. Их делали на заказ в магических ремесленных, но позволить подобные светильники себе могли лишь настоящие богатеи.

А недавно из Заболоньского университета стали рассылать листовки, в которых говорилось о новом изобретении – лампах на основе реакции веществ, которые можно было легко купить на обычном рынке. Никакой магии. Только наука. Правда, тема эта пока особой денежной поддержки не получила. К сожалению учёных и к радости магов.

На грядке с дикими огурцами, что с давних пор росли в низине за дубовой рощей, что-то вдруг зашевелилось. Тело, слишком крупное для дикого огурца, встряхнулось и поднялось на длинные ноги.

– Молодец, Сардель! – из ямки под скакуном показалась синяя рука и похлопала огурчика по животу. Затем оттуда, отряхиваясь от комьев земли, выбралась Шлёпси Гродень. Выпрямилась, откинула голову и подставила лицо тёмному ночному небу и лёгкому ветерку. – Отличная идея, ляг! Я и не думала, что так можно пережить Ярышму!

– Я же огуровод, – скромно ответил Лопань, выползая следом.

– И как этот здоровяк нас только не раздавил? – задумчиво проговорила шерри.

– Мы с ним подобный фокус уже проделывали, – ответил ляг. – И не только с ним. Правда, я и не мог предположить, что он мне когда-нибудь пригодится. – Лопань потянулся, потом зевнул до хруста в челюстях. Подошёл к огурчику и попытался осмотреть его в темноте ночи.

– Что ты там пытаешься разглядеть? – спросила Шлёпси.

– Хочу убедиться, что он не пострадал от лучей Ярышмы. Шкура у огурчиков, конечно, толстая. Но не хотелось бы потерять последнего скакуна по глупости.

Шерри сплела пальцы рук каким-то хитрым образом, прикрыла глаза. Что-то шепнула. Потом быстро развела руки в стороны. Перед ней возник неяркий, в пару свечей, белый огонёк.

Сардель всхрипнул и чуть посторонился. А Лопань восхищённо присвистнул.

– Не теряй времени, – посоветовала Шлёпси. – Он здесь ненадолго.

Огуровод кивнул. Осмотром он оказался доволен. Шкура огурчика лишь местами пожелтела, а трещин, к счастью, и вовсе не наблюдалось.

– Прости, госпожа, – Лопань вдруг вспомнил разговор на постоялом дворе и решил прояснить один вопрос: – А почему тот ляг назвал тебя превосходительством?

– Потому что я и есть превосходительство, – хмыкнула Шлёпси. – Уже целый день. И властью превосходительства намерена тебя повысить. За заслуги перед отечеством назначаю тебя своим адъютантом. Ну, как? Звучит? Адъютант её превосходительства!

Лопань покраснел от удовольствия. А госпожа Гродень улыбнулась и, хлопнув его по плечу, скомандовала:

– А теперь собираемся! Наше задание ещё не окончено!

Огуровод первым вскочил на скакуна и помог забраться Шлёпси. Потом пустил огурчика шагом. Всё-таки в ночной тьме передвигаться быстрее было опасно, пусть подопечные Лопаня и не использовали обычное зрение, чувствуя дорогу всем телом.

*

– Ихху! – завопил Лопань, нарушив предутреннюю тишину, и пришпорил Сарделя.

Шлёпси, дремавшая у него за спиной, дернулась и открыла глаза. Повертела головой, пытаясь узреть, что привело её новоявленного адъютанта в такой восторг, но увидела лишь голые после Ярышмы стволы деревьев вдоль дороги.

– Что случилось, ляг? – недовольно спросила она. – Где мы?

– Мы только что миновали указатель «Твердыня 3 км», – ответил огуровод.

– Твердыня, – попыталась наморщить лобик Шлёпси. – Что-то знакомое. Где я могла слышать это название?

– Твердынская порода огурчиков, – радостно пояснил Лопань. – Не такие шустрые, как наши, но зато очень дисциплинированные. Пограничники предпочитают их всем остальным.

Шерри оглянулась и вздохнула.

– Считаешь, Стручка мы больше не увидим? – спросил огуровод, словно прочитав её мысли.

– Вряд ли разбойники его отпустили. Их там было девять. Как ни крути, огурчик попал в очень тяжёлое положение. Или у тебя есть какие-то другие мысли?

– Боюсь, ты права, госпожа, – Лопань кивнул и тут же чуть смущённо добавил: – И Сардель не сможет нас долго везти двоих.

– Считаешь, стоит взять огурчика в Твердыне?

– Если нам дадут.

– Мне дадут, – уверенно заявила Шлёпси.

Ляг от её голоса зафиолетовел и чуть не выпустил поводья.

– Стоп, – шерри чуть шлёпнула Лопаня по плечу. – Тишина.

Огурчик послушно замер. Ляг затаил дыхание. Шлёпси выпрямилась за его спиной и расставила руки в стороны. Закрывала глаза, стараясь ощутить окружающий мир.

– Два всадника, – произнесла она тихо спустя минуту. – Не на огурчиках. Но это и не тыкверы. Ехали чуть быстрее нас. Сейчас остановились.

Осторожно, стараясь чтобы и воздух не шелохнулся, Лопань слез с Сарделя. Встал на колени и приложил ухо к земле. Долго вслушивался, а потом привстал и, глядя на госпожу, поднял руку.

– Хочешь что-то сказать? – тихо спросила Шлёпси. Ляг кивнул. – Говори, – разрешила шерри.

– Мне кажется, это баклажаны, – произнёс Лопань одними губами, так что госпоже Гродень пришлось очень сильно напрячь внимание, чтобы его понять. – Мне довелось видеть таких лишь раз. Но я помню их вибрацию. Очень необычная. Очень редкая.

– Баклажаны? – удивилась Шлёпси. – Здесь их не разводят. Вот в Шо-Доу – да. Там огурчиков не найти. Зато этих сколько угодно.

– Думаешь, эти за тобой? – задумчиво поинтересовался ляг, засунув палец в ухо. – Может, просто по своим делам едут?

Шерри скептически покачала головой.

– Есть, конечно, и такая вероятность. Но что-то слабо верится после недавних событий.

– Может, тогда побыстрее добраться до Твердыни? – предложил Лопань, забираясь на огурчика. – Там никто не посмеет напасть. Там пограничники.

Шлёпси задумалась. Всё говорило о том, что заезда в Твердыню не избежать. При планировании поездки на такое отклонение девушка не рассчитывала. Но два последовавших друг за другом нападения внесли коррективы в маршрут. Причём неконтролируемые.

– Хорошо, – произнесла шерри наконец. – Езжай в Твердыню. Но особо не торопись. Те, на баклажанах, не спешат нас догонять. Думаю, пока их опасаться не стоит.

*

– Стоять! – у въезда на территорию Твердыни располагалась караулка стражи. Босой ляг в потёртом мундире встал перед шлагбаумом и выставил вперёд руку. – Кто такой?

Лопань прыгнул с Сарделя. Появившаяся из-за его спины Шлёпси свысока поглядела на стражника, отчего тот посиреневел.

– Шерри Гродень со слугой, – проговорила она отрешённо. – В дороге потеряли скакуна. Нужна замена. С кем я могу поговорить по этому поводу?

Стражник сунул палец в ухо и задумался.

– Эй, добрый ляг, ты, часом, не заснул? – окликнул его Лопань. – Я всё понимаю. Час ранний. Меня и самого клонит и крючит. Но госпожа задала конькритический вопрос. Эй!

Огуровод стрельнул языком в лоб застывшему часовому. Тот дёрнулся и, сменив цвет на стандартный светло-зелёный, поспешил открыть шлагбаум.

– Проезжайте мимо грядок до памятника шерру Монеру Гейму, там свернёте направо. В конце аллеи дом коменданта Сало Путля. Только он ещё спит.

– Спасибо, добрый ляг, – Лопань взял Сарделя под уздцы и повёл по указанному маршруту.

Какая-то девица вышла из маленькой избушки на дорогу и проводила их сонным взглядом. Потом что-то пробормотала и выплеснула воду из ночного горшка в канаву.

– Большие грядки, – кивнул огуровод на обширные ангары, простирающиеся далеко вправо. – Здесь, пожалуй, сотни три огурчиков наберётся.

– Значит, одного точно смогут нам выделить, – ответила шерри. – Если только этот комендант не полный олух.

Миновав полтора десятка грядок, путешественники увидели памятник.

– Прости, госпожа, – озадаченно произнёс Лопань. – Мне показалось, что стражник назвал его шерром. Но ведь это полумеханоид?

На высоком постаменте располагалось нечто, похожее на консервную банку с шестью ножками и двумя подобиями рук. Головой этого монстрика служил непропорционально большой шар с маленькими глазками-бусинами. Его венчала труба, явно изображавшая цилиндр, какие носят важные персоны.

– Вообще-то, – задумчиво ответила Шлёпси, – Монер Гейм и в самом деле был шерром. Он, конечно, оказал большое влияние на становление полумеханоидов как народа. Но вот почему его изобразили в таком виде, я не представляю.

– Он был учёным? – уточнил Лопань.

– Вовсе нет, – помотала головой шерри. – Промышленник. Но вкладывал средства в разные сферы науки. Он, кстати, многое сделал для наших железных дорог.

– Вот бы посмотреть, – вздохнул ляг.

– Может, ещё и увидим. Но разве что на обратном пути. Или если по каким-то причинам сильно отклонимся на восток.

Обогнув странный монумент, путешественники, как им было указано, повернули направо и въехали в небольшую аллею. Чёрные и голые после Ярышмы стволы деревьев оставляли гнетущее впечатление, и Лопань подумал, что хотел бы увидеть аллею ближе к Польшме, когда мелкие листики весело трепещут на ветру, а мухи и жуки радостно снуют вокруг.

Дом коменданта оказался настоящей крепостью. Мощная кладка, окна, закрытые тяжёлыми створками, несколько бойниц по периметру, особым образом заглубленных, дабы их не надо было заслонять во время Ярышмы. Лопань спрыгнул со скакуна и помог слезть госпоже.

– Звякну? – Лопань кивнул на крупный матовый колокольчик у массивной двери.

– Я те звякну! – донеслось откуда-то слева.

Из тени выступил пожилой ляг в длиннополом халате и принялся пристально осматривать путешественников. Лопань улыбался. Шлёпси глядела с нетерпением.

– Надивился, ляг? – высокомерно спросила она спустя десяток секунд. – Теперь оповести своего господина, что его желает видеть её превосходительство шерри Шлёпси Гродень.

– Чавой-то? – Ляг вытаращился на девушку, а потом перевёл взгляд на Лопаня: – О чём она говорит? Какого ещё господина?

– Нам нужен комендант Сало Путль, добрый ляг, – смиренно пояснил огуровод. – Стражник на въезде сказал, что он проживает здесь. Али он нас обманул?

– Зачем обманул? Всё правильно. Проживает, – ляг выпятил округлое брюшко и почесал его левой рукой. – Кто там сегодня на посту? Дикань?

– Не знаю, добрый ляг, – пожал плечами Лопань. Потом потербил пальцем губу и задумчиво сунул его в ухо. – Он нам не представился.

– Ну, лохматый такой. Любит в ухе ковыряться.

Огуровод смутился и убрал палец за спину.

– Хватит трепаться, ляг, – начала закипать Шлёпси. – Нам нужен комендант.

– Чавой-то? – старикашка покосился на шерри и снова перевёл взгляд на Лопаня. – Чавой-то она пыхтит? Комендант всем нужен. Комендант – важная шишка.

– Прости, добрый ляг, но не мог бы ты отвести нас к нему в покои? – попросил огуровод. – У нас к нему важное дело. Кажется, даже государственной важности, – Лопань извлёк палец из-за спины и воздел его кверху.

– Мог бы и отвести, – пожал плечами ляг. – А можем и здесь поговорить.

– Комендант выйдет сюда? – не понял огуровод.

Шлёпси же с подозрением поглядела на старика.

– Не хочешь ли ты сказать, ляг, что ты и есть комендант Сало Путль? – её изогнутая бровь изогнулась ещё сильнее.

– Родители нарекли именно так, – кивнул тот.

– Но ты же ляг!

– И горжусь этим.

Шерри, похоже, от этого известия впала в ступор. Старик же не спешил её выводить из этого состояния, явно наслаждаясь произведённым эффектом.

– Как это возможно, добрый ляг? – обратился за пояснением Лопань. – Насколько мне известно, руководящие посты всюду в Федерации занимают шерры. Как удалось почтенному лягу занять такое ответственное и хлопотное место?

Комендант, если это и вправду был он, неторопливо достал из кармана халата трубочку, чиркнул спичкой о стену и раскурил. Сделал пару затяжек. Лопань успокаивающе улыбнулся готовой взорваться госпоже. Та скрипнула зубами, но промолчала.

– Тута не столица, – проговорил Сало Путль, с ехидством покосившись на шерри. – Тута важно не происхождение, а достижение. Да и не захотел никто из шерров ехать в нашу глушь.

– Далековато, конечно, от больших городов, – согласился Лопань, которому и Душистая Плесень казалась мегаполисом. – Но ведь здесь одни из лучших грядок во всей Федерации. Место, по меньшей мере, престижное и наверняка выгодное.

– А кто его таким сделал? – улыбнулся комендант. И, не дожидаясь, сам же ответил: – Я тут всё с корней подымал. Когда тут ещё шерр Продень был. Кстати, – он указал чубуком на

Лопаня: – Почему ты сказал, что у нас одни из лучших грядок? Это неправда! Они – самые лучшие!

– Это спорное утве... – начал было огуровод, но Сало его перебил:

– Думаю, из-за них и вы здесь. Я прав?

– В точности, добрый ляг, – кивнул Лопань. – Госпожа выполняет ответственное поручение. На неё напали разбойники. Нам удалось от них сбежать, но при этом мы потеряли одного скакуна.

– А почему напали на неё, а убегаете вы вместе? – удивился Путль.

– Госпожа просила меня сопроводить её, – пояснил Лопань. – Мы вместе прибыли на постоянный двор. Я размещал огурчиков, а в это время на госпожу напали в доме.

– Разбойники? Здесь? Чудно. И что же они от неё хотели, эти разбойники?

– Это секретная информация, – Шлёпси жестом остановила попытавшегося открыть рот огуровода. – Но дело и в самом деле важное.

– Важное, так важное, – пожал плечами комендант. – У меня тоже все дела важные. Командиры пограничных гарнизонов в очереди стоят за моими огурчиками. И среди них каждый первый шерр. Так что извини, девочка, но скакуна я тебе не дам.

Шлёпси сжала кулачки и поглядела на старика с яростью. Лопань тронул её за плечо. Шерри повернулась к нему, и под её взглядом огуровод приобрёл цвет, отчего-то называемый сигнальным синим.

– Не будем беспокоить доброго ляга, – тихо проговорил он. – Если он не может дать огурчика её превосходительству, значит, у него на это есть свои причины. Да и не пристало её превосходительству ездить верхом на скакуне из вторых, а то и третьих грядок Федерации.

– Чавой-то? – наострил уши комендант. – Чавой-то они у меня вторые? А где же, позволь узнать, тогда первые?

– А вот, – Лопань указал на Сарделя, пристроившегося рядом с кустами вдоль дороги. – Вот – настоящий скакун с лучшей грядки. На подобных ему ездил сам первый консул Ёшка Торопунь.

– Кто? – трубка чуть не выпала у Путля изо рта.

– О чём ты, ляг Лопань? – Шлёпси тоже пребывала в недоумении.

– О, вы не слышали о Ёшке Торопуне? – огуровод расплылся в улыбке. – Сейчас я вам поведаю эту дивную и правдивую историю.

*

Это случилось, когда Федерации ещё не было. На её нынешней территории существовало несколько королевств, которые враждовали между собой.

Самыми могучими среди них были королевства Шерр То и Шерр Сё. Никто долго не мог одержать верх, и тогда короли решили сойтись в последней битве, собрав огромные силы на поле близ Душистой Плесени.

Сами понимаете, такую битву организовать оказалось сложно. Ведь надо было не только собрать войска, но и привести их на поле, не потеряв никого в Ярышму. Да ещё и подгадать хотя бы к началу Польшмы. Иначе битва закончилась бы, едва начавшись.

Короли, будучи благородными шеррами, хотели решить, кто сильнейший, на поле боя. В честной схватке. Но была и третья сторона, пожелавшая воспользоваться этим и избавиться от конкурентов.

Правитель, чьё имя стёрто в истории, был сильным магом. Он скрыл за тучами небо и затуманил разум военачальников. В результате битва только началась, когда небо внезапно очистилось, и Ярышма в считанные секунды погубила почти все войска.

Лишь личная охрана королей, оснащённая волшебной бронёй, какое-то время держалась, защищая своими телами повелителей, и пыталась достичь единственного ближайшего убежища, пока те ещё живы. Воины даже не стали вытаскивать мечи, когда обе группы слились

в одну и устремились по единственной дороге к Гнилым холмам, где можно было бы укрыться в маленькой старой штольне.

Но броня никак не могла спасти их достаточно долго. А до убежища всё ещё было слишком далеко.

Вдруг что-то шевельнулось в стороне Чавкающих топей. Там, на границе степи и болота, лежала грядка диких огурцов. И вот один из них приподнялся, и из-под него показалась маленькая фигурка. И эта фигурка махала шеррам, приглашая к себе.

Не сговариваясь, воины двинулись туда. Грядка оказалась убежищем лягов-скотоводов. Их предводитель расположил королей и их сильно поредевшую охрану под огурчиками. Пришлось, конечно, потесниться. Но жить захочешь, ещё и не так раскорячишься.

После захода Ярышмы короли стали друг другу братьями, и этот их союз послужил началом нынешней Федерации. С трудом оправившись после потерь, королевства объединились и победили сначала коварного мага, а потом продолжили объединение нового государства.

Предводителя лягов, который их спас, и которого, как вы уже догадались, звали Ёшка Торопунь, короли приблизили ко дворам и торжественно посвятили в звание первого консула. Что это значит, меня не спрашивайте. В конце концов, я простой ляг. Королям виднее.

А спасительную грядку преобразили в настоящую теплицу. И с тех древних времён там выращивают лучших скакунов Федерации. Таких, как наш Сардель.

*

Пепел просыпался из трубки и обжёг босую ногу Сало Путля. Комендант вздрогнул. Взгляд его приобрёл осмысленное выражение.

– Ну, ты тут и нагородил, парень, – уважительно произнёс он, покачивая головой. – Никогда не слышал ничего подобного.

– Из истории сагу не выкинешь, – улыбнулся Лопань.

– Не знаю, сколько в ней правды, а сколько вымысла, – проговорила Шлёпси, тоже пребывавшая в некотором трансе после рассказа, – но спасение под огурчиком – факт, не вызывающий сомнения. Мы и сами прошлую Ярышму пережили только благодаря Сарделю и грядке диких огурцов.

Комендант долго хмыкал, не находя слов. Лопань же подмигнул своей шерри и произнёс:

– Как видишь, госпожа, и раньше, в древние времена, простой ляг мог стать не только комендантом одной из лучших теплиц, но даже первым консулом.

– Что бы это ни значило, – добавил Сало, кивнув. – Порадовал ты меня, парень. Уж не знаю, где ты это услышал или вычитал. Но история хорошая.

Словно соглашаясь с этим утверждением, первый луч Даушмы сверкнул на колокольчике у двери. Шлёпси сочла это добрым знаком и улыбнулась коменданту.

Сало Путль подошёл к Сарделю. Погладил его по бугристой боку.

– Что-то я не вижу подпалин, – с подозрением заявил он.

– Да, – согласился Лопань. – Только несколько жёлтых пятен. Очень крепкая порода. Я бы рекомендовал и местным огурчикам практиковать окапывание со всадником. Это может спасти не одну жизнь. Только надо приучить скакуна не бояться, и тогда он не задавит седока.

Комендант вернулся к путникам и вновь разжёг трубку.

– Что ж, – произнёс он, подумав. – Я, пожалуй, смогу выдать вам одного из своих пострелов. Извини уж, шерри, не самого лучшего. Не самого послушного. Но выносливого и крепкого.

– Ничего страшного, – сказал Лопань. – Госпожа поедет на Сарделе. А я воспользуюсь твоей щедростью, добрый ляг.

– Справишься? – не сдержал ехидства старик.

– Конечно. Я же огуровод. И потомок Ёшки Торопуни.

Шлёпси озадаченно поглядела на слугу. Он действительно прочитал где-то эту историю? Или кто-то ему рассказал? Или выдумал только что? В любом случае, вид у ляга был такой, будто он абсолютно уверен в том, что является потомком этого первого консула.

Что бы это ни значило.

Дохлая Пухля. Пятидень месяца облаков.

– Равняйся! Смирно! – гаркнул капитан Чертень.

Его шикарные длинные усы первыми выполнили приказ, вытянувшись в струнку.

Три сотни голов уставились на генерала Твисти Джабенья, снисходившего на подчинённых из просторной кареты. Две сотни сабель описали полукруг, сверкнув в лучах восходящей Даушмы. Сотня мушкетёров долбанула прикладами по вымощенной булыжником площади.

– Вольно, орланы, – вяло проговорил генерал и зевнул. – Обустраивайте лагерь. А я пока посплю.

Шерра Твисти можно было понять. Всю ночь он провёл в дороге, растрясая могучие тела пусть в комфортной, но карете. Его подопечные, двести всадников шерров и сводный отряд мушкетёров, состоявший как из благородных, так и из лягов, также были вторые сутки на ногах. Но они путешествовали на свежем, пусть и пыльном от копыт и ног, воздухе, в то время как их начальник страдал внутри хотя комфортабельного, но всё же замкнутого помещения.

Генерал искренне недоумевал, даже негодовал, из-за того, что шерр Сламбо велел выдвигаться сразу же, как только будет возможность покинуть Дикий Пень. И к чему, спрашивается, такая спешка? Кому так срочно понадобился оборудованный лагерь в этой глуши? Да ещё и переправу им подавай.

Впрочем, ночь шерр Твисти благополучно проспал, не будучи в кондиции после перекуса в доме бургомистра. А когда проснулся и прибыл в часть, был неприятно удивлён тем фактом, что шерр Сламбо уже обо всём позаботился, и будущий гарнизон Дохлой Пухли готов немедленно выдвигаться.

Так что большую часть Даушмы и почти всю Полышму пришлось провести в карете. Пусть на рессорах, пусть оснащённой охлаждающим камнем, за который генерал отвалил приличную сумму. Пожилой военачальник уже отвык от подобных путешествий, и дорога далась ему тяжело.

Самое отвратительное, что шерр Сламбо отправил свою то ли помощницу, то ли телохранителя Дротти Стоунь проследить, чтобы Твисти не терял времени. Делить карету с этой дамой, обладающей холодным взглядом и резким голосом, было неприятно. Генерал искренне радовался избавлению от её общества после того, как они остановились переждать Ярышму в местечке Лютый Торгаш. Вот только эта зараза не дала остаться там же на ночь, разбудив престарелого полководца и почти пинками отправив в дальнейший путь.

Ляг Дрынь, староста Дохлой Пухли, заискивающе улыбнулся и, кланяясь каждые несколько шагов, повёл важного гостя в свой дом. Хата произвела на генерала удручающее впечатление. Даже несмотря на тот факт, что она была здесь единственным надземным строением. Остальные местные обитатели жили в землянках, поскольку подобный способ строительства являлся самым простым и безопасным.

Да ещё эти ляжки дети, прячущиеся при появлении гостя, но тут же выглядывающие из своих убежищ, глазающие в спину, неуважительно хихикающие и перешёптывающиеся.

Дрынь уложил генерала в своей спальне, отделённой от остального помещения лишь толстой занавеской. Какой-то мелкий ляг приоткрыл шёлку и, высунув язык, принялся подглядывать, пока гость обустраивался, но староста рывкнул на него так, что не только малой сразу же упорхнул, будто ветром сдуло, но и сам шерр Твисти чуть было не намочил штаны.

Несмотря на то, что Дрынь выгнал взашей всех своих домочадцев, генерал так и не смог заснуть. Промучившись час, он встал, кое-как застегнул тугие пуговицы мундира и вышел на улицу.

Капитан Чертенъ успел развести бурную деятельность. И мушкетёры, и всадники, и даже большинство местных жителей приняли участие в рытье ям для будущих подземных казарм, валке деревьев и перетаскивании редких в этой местности камней.

«В майоры метит», – недовольно подумал генерал.

Капитан тем временем сам подхватил бревно, да ещё и с толстого конца. Он и двое шерров бодренько поволокли дерево к уже готовой яме. Проходя мимо генерала все трое дружно рявкнули приветствие. Военачальник взмахнул рукой, а сам со смесью зависти и раздражения пробормотал:

– Пожалуй, даже в полковники. А вот до генерала не дотянет. Надорвётся.

*

Лагерь был готов задолго до восхода Ярышмы, и теперь уставшие, но довольные солдаты разбрелись по окрестностям в поисках выпивки и прочих развлечений. Только десяток всадников остались с огурчиками. Теплица, которую, из-за её размеров, закончили последней, не шла ни в какое сравнение с грядками в гарнизоне, но скакуны, к счастью, никогда не капризничали.

Генерал заскучал. Из офицеров здесь был лишь трудоголик капитан, да ещё три лейтенанта. А с простыми подчинёнными, пусть даже шеррами, общаться было неуместно. Староста же и вовсе был лягом, а своим подобоострастием вызывал лишь раздражение.

Шерр Твисти сидел перед хатой Дрыня и смаковал грибную настойку, предоставленную радушным хозяином. Не руальское, конечно. Но на безрыбье и таракан таранка.

Кстати, несмотря на близость речки Средний Выхлоп, рыбой отчего-то не угощали. Твисти решил, что надо будет обязательно расспросить старосту о причинах.

– Салют, мой генерал! – капитан возник словно из-под земли и вытянулся перед начальством. – Позволь обратиться!

– Да говори уже, раз пришёл, – поморщился Твисти.

– Несколько добровольцев вызвались обследовать берег Среднего Выхлопа.

– Так в чём же дело? – военачальник чокнулся с орденом на груди и отхлебнул. – Добровольцы – это хорошо. Может, и рыбки наловят заодно.

– Я запретил покидать лагерь. До Ярышмы могут не успеть вернуться. И ещё, местные не очень-то жалуют эту речку. И рыбу не ловят.

– Почему? – генерал хотел было возмутиться, но не смог преодолеть лениво-созерцательного состояния.

– До реки достаточно далеко. И дорога не слишком удобная – на огурчиках вряд ли доберёшься. Лучше начать завтра.

– Почему рыбу не ловят? Выяснил?

Капитан на секунду замялся, но тут же ответил:

– Помалкивают. Я предполагаю, что дело в местной фауне.

– В ком? – не понял генерал.

– Живность, – пояснил Чертенъ. – Включая рыбу. Но точно я сказать, конечно же, не могу. Предлагаю допросить старосту.

Дрынь, крутившийся неподалёку от почётного гостя, услышав это, несколько побледнел и предпринял попытку исчезнуть.

– Эй! Староста! – позвал Твисти. – А ну-ка, подойди-ка сюда. Да ты не бойся. Пытать не будем. Только поспрошаем.

Ляг Дрынь, кланяясь каждые два шага, приблизился.

– А расскажи-ка нам, ляг, отчего доблестным защитникам отечества не подали рыбы? – с весёлыми чёртиками в глазах спросил генерал.

– Дык, ента, – замялся староста. – Нетути её, рыбоньки-то.

– Как так? – удивился военачальник. – Река есть, а рыбы нет? Куда ж она подевалась?

– Дык, ента, сожрали, поди.

– Кто?

– Знамо кто. Злыдни речные.

Генерал и капитан переглянулись. Твисти изогнул бровь, предлагая подчинённому задать нужный вопрос. Тот понял его без слов.

– Как выглядят? Каковы их повадки? Были ли жертвы? – с ходу выдал Чертень.

– Дык, ента, – староста почесал лысую голову, – пропадали ляги, не без того. Они, должно быть, видели, как енти, того, выглядят. Только уже не скажут, ага.

– Что с телами?

– С какими телами? – озадаченно поглядел на капитана Дрынь и тут же отвёл взгляд.

– Ну, с теми, что пропадали.

– Дык я ж говорю, пропали. Нетути тел.

Чертень повернул голову к генералу. В его взгляде застыл вопрос, а не стоит ли всё-таки приступить к пыткам? Но начальство отрицательно помотало головой.

– Так с чего вы взяли, что эти ляги попросту не сбежали отсюда в поисках лучшей жизни? – вздохнув, спросил капитан.

– Куды? – нахмурился староста. – Тута окрест ничего нетути. Пёхом за день не дошкан-дыбаешь. От Ярышмы укрыться, опять же, негде.

Капитан потербил длинный ус.

– И давно ли был последний случай?

– Случай? – не понял Дрынь.

– Когда случилось последнее исчезновение?

– Дык поди два месяца прошло.

– Два месяца, – Чертень исподлобья глянул на старосту и спросил: – И что же, никто за эти два месяца не ходил к реке?

– А на кой она нам? Колодец есть. Да и далеко с реки таскать. Без рыбы уже привыкли.

– Допустим. И когда же начались исчезновения?

Дрынь задумался. Беззвучно шевеля губами, он начертил что-то пальцем в воздухе, а затем сунул оный палец в рот.

– Так что? – не выдержав, рявкнул капитан. – Когда это всё началось?

Староста втянул голову в плечи.

– Что именно? – пролепетал он.

– Исчезновения! Что же ещё?

*

Полышма уже практически закатилась, когда капитану-таки удалось разузнать хоть что-то полезное. Оказалось, что местные ляги стали пропадать в районе реки лишь около полугода назад. Нет, они и раньше периодически пропадали, места-то дикие. Но, пожалуй, можно было выделить тот момент, когда исчезновения стали концентрироваться вдоль реки.

Сначала исчез один из грибников. Рыбаков-то в Дохлой Пухле отродясь не бывало. Средний Выхлоп здесь пенился и бурлил. К тому же, берега были заболочены так, что пробраться к речке не представлялось возможным. А тутошнюю грибную настойку возили продавать на ярмарку, так что дело было прибыльное. Жаль, что телега и огурчик одни единственные. В болота-то грибник и ушёл. И не вернулся.

Все грешили на топи – мало ли, оступился, а то и просто ступил. Топи – это вам не шутка.

Но потом три бабы попёрлись к реке за камышом. Нет, староста не знал, зачем им понадобился камыш. Какие-то бабские штучки. Так вот, ушли трое, а вернулась лишь одна. Да и та после возвращения свихнулась. Всё плакала, тряслась и невнятно бормотала.

Мужики-ляги собрались и пошли искать пропавших. Не все, ясно дело. У кого работы особо важной не было, или могла обождать. Набралось, короче, с дюжину лягов. Взяли с собой жерди, дабы не провалиться, да дрыны, чтобы, ежели что, отбиваться.

Чем жердь от дына отличается? Ну так это просто. Жердь подлиннее, а дын потолще. Жердью, конечно, тоже можно отбиваться. Но дыном сподручнее.

Так вот, дюжина лягов вышла из Дохлой Пухли, но не вернулся никто. И на этот раз на поиски уже никто не рвался – дураков нет.

Правда, два месяца назад брат одного из пропавших, опорожнив кувшин грибной настойки, отправился-таки к реке. Больше его не видали.

*

– А почему властям не сообщили? – взмахнул руками капитан. – У вас жители пропадают, а ты, старый хрыч, даже не сообщил!

Староста вжал голову в плечи и проблеял:

– Нетути тут никакой власти, окромя меня, – потом покосился на генерала и добавил: – Теперя вот есть. Вот я и сообщил.

Генерал засмеялся, точно булькающий чайник. Капитан выжидающе уставился на начальника.

– Так ты, стало быть, решил за наш счёт устроиться? – шерр Твисти хотел накричать на ляга, но после настойки пребывал в добродушном настроении, а потому получилось совсем не грозно. – Не думаешь ли ты, что мы должны после двух месяцев с последней пропажи идти и прочёсывать твои дурацкие болота вплоть до этой глупой реки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.